

Цена

Высокую правительственную награду — звание Героя Социалистического Труда Сергей Аполлинариевич **ГЕРАСИМОВ** получил в момент окончания им новой работы — фильма «Дочки-матери» (сценарий А. Володина). Картина — продолжение цикла о современности, начатого фильмами «Люди и звери», «Журналист», «У озера», «Я люблю человека». В «Дочках-матерях» С. Герасимов не только режиссер, но и актер, партнер Тамары Макаровой, Иннокентия Смоктуновского и своих учеников по ВГИКу. «Неделя» публикует сегодня запись репетиций и съемок эпизода, в котором С. Герасимов занят как актер.

Как это нередко бывает в кино, снимали не тот эпизод, о котором разговаривали накануне, а другой, от первого довольно далеко отстоящий. Почему так получилось — не знаю, кажется, декорация не была готова, а вот кабинет был готов, и туда сошлись двое: Герасимов и Смоктуновский. Герасимов сегодня и актер, и режиссер, и сцена у него со Смоктуновским важнейшая: открытый разговор, единственный между ними. Петр Воробьев, так зовут герасимовского героя, в Москве не живет и с Васильевыми, мужем и женой, видится редко, хотя дружба у них стариннейшая (оба они математики, только Воробьев — ученый с мировым именем, а Васильев — преподаватель одного из московских вузов). Вот и сейчас Вадим Васильев говорит Петру Воробьеву такое, о чем другому никогда бы не сказал.

Вадим. Поверишь ли, перестал понимать — как жить, что делать, ради чего. Только услышу, что кто-то знает, бегу спросить: почему у вас все в порядке и как вы этого добились? У каждого свои причины. А мне вот ничего не помогает.

Воробьев. Слушай, Вадя. Живешь в Москве, работа, не скажи, в общем, интересная, дочки цветут. Жена такая, что дай бог. Кто-то тебя недооценил, ну так ты их недооцени! Нельзя делать профессию из неудавшейся, как тебе кажется, жизни.

Вадим. А может быть, все объясняется просто? Бесталанный человек? Отсюда и невезеха.

Воробьев. Слушай, не занимайся самодеятвонь!

На этом эпизод не кончается (да и начало дано выборочно, чтобы стала понятной главная мысль), и мы позволим себе, по ходу дела, процитировать сцену еще раз, потому что именно в ней текст имеет главенствующее значение.

Герасимов. Вадим здесь балаганит? Смоктуновский. Он подходит к своей главной теме: надо уметь все делать во время.

Герасимов. А если я потяну на покой? Мне нравится этот дом — жена нравится, девочки.

Смоктуновский. Едва не дремлет? Так сыграть?

Так они переговариваются, вроде бы только о деталях, а на самом деле «разминают» сцену, примериваясь к ней, пробуя. Главное, что они выясняют обиняками — это то, как Воробьев—Герасимов относится к Вадиму — Смоктуновскому. Всерьез ли считает, что жизнь Вадиму не удалась, или привычно утешает, зная, что Васильев любит «поплакать в жилетку»? А сам Васильев? У него искренняя боль, или поза, или, может быть, зависть к другу? Сценарий Володина дает возможность самым разным толкованиям, и «разность» эта бросает свой отсвет на сегодняшнюю репетицию.

Герасимов. Воробьев и в юности звал Вадима самоедом. Он привык к его жалобам и утешает его привычно.

Володин (он сегодня в павильоне). Не надо быть высокомерным. Воробьев искренне его пожалел.

Герасимов. Снять высокомерие, если оно есть, я готов. Но дело все-таки представляю так: Петр знает натуру Вадима, и ироническое пристрастие сопутствует его речи всегда. Полностью включиться в его переживания Петру трудно.

Володин. Правильно. Ты (это он Смоктуновскому) — самоед.

На этом слове останавливались и раньше. Когда Воробьев—Герасимов его впервые произнес, Васильев — Смоктуновский радостно улыбнулся и закивал. Что-то было найдено с его помощью, что-то обозначилось, а Вадиму Антоновичу именно обозначенности, точности не хватало. Он и сам понимал, что все у него вроде в порядке, но что-то тем не менее грызло и мешало быть счастливым. Что? А может быть, ничего и вся тоска его не от реальных причин, а от характера?

А на столе в это время появились апельсины. То ли их принесли, то ли Смоктуновский достал их из чемоданчика (они у него почти всегда там были вместо обеда или ужина). Во всяком случае, сей-

час он апельсин чистит, и это простейшее приспособление ставит все на место. Как та капля, которая переполняет чашу: искали-искали, пробовали-пробовали, а тут вроде бы отвлеклись — и нужное появилось само. Стихи, а в тексте есть и стихи, которые Вадим Антонович сочинил еще в юности и которые Смоктуновский несколько раз начинал читать, каждый раз мучительно ища интонацию, стихи пошли теперь легко, естественно, и Герасимов на эту легкость так же просто и стихами отозвался. Образованный Смоктуновский начал еще одно, которое если не ставило точку над всем говоренным ранее, но определенную разрядку настроения Вадима давало.

...Акробатки на слабом канате, Речки-заводы, их берега, На декорационном закате Нитевидные облака... Мини-шубки, и юбки, и платья... Не пускайте меня, не пускайте — На земле задержите пока...

Эпизод был готов, выстроен, актеры ушли поправить грим, а когда вернулись и В. Раппопорт начал снимать (он и до перерыва сделал несколько дублей, но оказалось, что главный еще впереди), неожиданно выяснилось, что предстоит еще много работы. Все обговоренное и обдуманное должно было сделаться прочувствованным и своим.

Однако репетировать дальше не стали: решили посмотреть материал и лишь тогда сделать окончательный вывод.

«Неделя». Сергей Аполлинариевич, чем вас привлекла эта роль?

Герасимов. Это не роль, а автобиографическая справка. Я говорю так не потому, что хочу присвоить себе качества Воробьева, но потому, что точно представляю себе ритм жизни этого человека. Сам так живу и знаю технику его поведения. Вижу форму: речи, интонации. Вижу, как надо существовать в его биографии. Приехал — уехал. Если бы остался, я бы не стал играть.

Однажды студенты меня спросили: что такое ритм? Я ответил: движение мысли.

Так вот, движение мысли Воробьева мне синхронно. Я вообще считаю, что актер не может выйти «из себя» полностью, хотя актеров такого плана очень люблю. «Неделя». Но если все так ясно, почему вы волновались?

Герасимов. Давно не играл, хотя играю в сущности все время. В институте, занимаясь со студентами, на съемках — вместе с актерами. Но тут другое. Боялся, как бы не вышло показа: того, что я как режиссер должен добиться от себя как от актера. Могло получиться чересчур настойчиво или чересчур незаметно.

И еще боялся, как бы не доиграть за партнера. Режиссер ведь играет за актеров, как дирижер поет за все инструментальной оркестра. Не знаю, удалось ли мне этого избежать.

А через месяц эпизод переснимали. Герасимов. Сцена вышла малоинтересной: сидим друг против друга и докладываем текст автора. Надо как-то ее разнообразить. Давай (это он Смоктуновскому) поищем мизансцены. Найдем такую, чтобы чувствовалось, что и в этой комнате Вадиму нет счастья. Не устроен — это надо найти.

Смоктуновский. Тут в сценарии написано, что «Вадим Антонович был тих и откровенен». Что, если я сяду на стул посреди комнаты как потерянный?

Володин. Надо создать такую атмосферу, чтобы вы оба разволновались. Не поучать Вадима, а понять его состояние...

Володин говорит то, что и актеры понимают превосходно, но все-таки, начиная диалог, Герасимов ведет его чуть дидактично: делает то, от чего сам же решительно уходит в мизансцену. Смоктуновский сидит посреди комнаты в кресле, а Герасимов подходит к нему сзади, наклоняется, обнимает.

Смоктуновского, по логике, такой поворот должен был устроить. Но он вместо этого заявляет: «Вадим — нуда. Дело не в неудачах — в нем самом».

Чем этот новый взгляд на героя объясняется? Может быть, тем, что, когда образ до конца не чувствуешь, легче

ты — талант, ты — ярко! А помнишь вот это?

ажались даты, омелькнули тотчас. аздников когда-то, ли нас...»
1. Смотри-ка, я уж и юмнишь. Ну у тебя и ологическая.

а вот это? тпустите... я вода, ды, мордобитья... всегда.

ировал, а Вадим Анто- ил про «акробаток на авершал строфой: «Не пускайте — на земле

адя, это здорово! Ты думаешь? — нет? А что, мысль в этом не без того. арки: «и Вадим Анто- и Воробьев рассмея- я расхохотался. И Во-».

ни оттого, что стихи Васильеву понрави- бьеву — от души. И числять, как главное, уга есть, и работа, и пова эти остались, но ь не как самоценные, ить» Вадима Антоно- амедского» настрое- робьев эту слабость ее и таской, и ла-

фильме считанные ми- исполнителям, по-на- гь только они.

Запись вел ПОРДКИПАНИДЗЕ.

Герасимов и И. Смок- Дочки-матери».